

УДК 340.11
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.04
5.1.1.

С. С. Алексеев о структуре советского права

Алексей Павлович Семитко

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Аннотация. Эффективность действий законодателя в ситуации сложных и динамичных процессов современности будет высокой лишь при условии учета им внутренних, глубинных закономерностей и структурных особенностей права, которые были основательно изучены известным советским и российским ученым С. С. Алексеевым в работе «Структура советского права» (1975), что обеспечивает сохранение ее актуальности и сегодня. Ученый уделяет много внимания обоснованию используемой им в работе методологии системного (системно-структурного) подхода, делает акцент на разграничении категорий системы и структуры права, подчеркивая, что изучение компонентов первой служит начальной и необходимой ступенью для познания структуры в строгом смысле слова, то есть для познания структурных связей системы, обеспечивающих целостность, упорядоченность и единство системы; поясняет, что понятие «система права» используется в юриспруденции в традиционном и специальном смыслах слова, которые надо различать. Выделяются четыре основных уровня структуры права, исходя из того, какие функции выполняют отдельные подразделения права: структура отдельного нормативного предписания; структура правового института; структура отрасли права; структура права в целом, т. е. система права (в специальном значении этого термина). Особые функции присущи подразделениям права на каждом из указанных уровней. Право – это полиструктурная регулятивная система, которому как системе свойственна известная иерархия структур: главная – стержневая (дифференциация права на нормы, институты и отрасли), комплексная (вторичная) и идеальная (логические нормы, юридические конструкции, регулятивная и охранительная подсистемы) структуры права. Отмечается объективный характер как структуры права, так и, с известными оговорками, структуры законодательства; влияние на них различных субъективных факторов возможно, но оно носит ограниченный характер. Анализируется процесс специализации права. Выделяются профилирующие, процессуальные, специальные и комплексные отрасли права.

Ключевые слова: С. С. Алексеев, системный подход, система права, структура права, идеальная структура права, вторичная структура права, отрасль права, правовой институт, нормативное предписание, логическая норма права, предмет правового регулирования, юридический режим, специализация в праве

Для цитирования: Семитко А. П. С. С. Алексеев о структуре советского права // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 2. С. 65–89. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.04.

S. S. Alekseev on the Structure of Soviet Law

Alexey P. Semitko

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Abstract. The efficacy of the legislator's actions in the context of intricate and rapidly evolving modernity hinges on their comprehension and incorporation of the intrinsic, profound patterns and structural elements of law, which have been meticulously analysed by renowned Soviet and Russian scientist S. S. Alekseev in his work, *The Structure of Soviet Law* (1975). This work ensures its enduring relevance in the present era. The scientist pays significant attention to the justification of the methodology employed in his work, which is based on the systemic (system-structural) approach. In this approach, the scientist emphasizes the distinction between the categories of system and structure of law. He argues that an understanding of the components of the former is an essential preliminary step in gaining insight into the structural links of a system. These links serve to maintain the integrity, orderliness, and unity of the system. He elucidates that the concept of “system of law” is employed in the field of jurisprudence in both its traditional and special senses, which must be distinguished. The structure of law can be divided into four main levels, distinguished according to the functions performed by individual units of law. These levels are: the structure of an individual normative prescription; the structure of a legal institute; the structure of a branch of law; and the structure of law as a whole, i.e. the system of law (in the special meaning of the term). Special functions are inherent in the subdivisions of law at each of these levels. The law is a polystructural regulatory system, which as a system is characterized by a certain hierarchy of structures. These include the main core structures, which differentiate law into norms, institutions and branches; complex structures, which are secondary to the main core structures; and ideal structures, which are logical norms, legal constructions, regulatory and protective subsystems. It is observed that the structure of law is objective in nature, although there are certain reservations in relation to legislation. While it is acknowledged that various subjective factors may have an influence, this influence is considered to be limited in scope. The process of specialization of law is analysed. Profiling, procedural, special and complex branches of law are distinguished.

Keywords: S. S. Alekseev, system approach, system of law, structure of law, ideal structure of law, secondary structure of law, branch of law, legal institute, normative prescription, logical rule of law, subject of legal regulation, legal regime, specialization in law

For citation: Semitko AP. S. S. Alekseev on the Structure of Soviet Law. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(2):65-89. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.04.

Право современного общества носит ярко выраженный динамический, постоянно развивающийся характер: возрастает сложность, неординарность и часто парадоксальность стоящих перед обществом новых задач и проблем, увеличивается скорость их появления, а также количество направлений возможной их трансформации в будущем. Законодатель нередко вынужден реагировать на возникающие в обществе проблемы в стиле функционирования пожарной команды, принимая те или иные срочные решения. Но эффективность последних не может быть высокой, если будут нарушаться внутренние, глубинные закономерности права, которые были основательно изучены известным советским и российским ученым С. С. Алексеевым в работе «Структура советского права» (1975), что обеспечивает сохранение ее актуальности и сегодня. В этой монографии ученый продолжает системно-структурный и функциональный анализ права, начатый им в «Общих теоретических проблемах системы советского права» (1961), «Механизме правового регулирования в социалистическом государстве» (1966), соответствующих разделах авторских курсов по теории права (1963–1966; 1972–1973), а также продолжает линию на аксиологическую характеристику права, начатую в книге «Социальная ценность права в советском обществе» (1971). Если в предыдущих рабо-

тах системный подход присутствовал как бы «за кадром», в «скрытом» виде, то есть автор, за исключением редких обращений к марксистским установкам, не акцентировал внимания на методологии в целом и на системно-структурном и функциональном подходе в частности [Семитко 2024; Семитко. Механизм ... 2019], то в монографии 1975 года методология системно-структурного подхода обосновывается во всех необходимых подробностях уже во введении и рассматривается далее каждый раз, когда возникает такая научная потребность; марксистские положения также анализируются, но в обычном для юридических работ того времени объеме. Поэтому подробный анализ использованных автором принципов системного подхода, который был проведен в других наших работах по материалам «Механизма правового регулирования в социалистическом государстве» [Семитко. Механизм ... 2019] и отчасти «Общих теоретических проблем системы советского права» [Семитко 2024], в данном случае не требуется. На первой же странице «Структуры советского права» ученый отмечает, что текущий этап развития советской юридической науки требует по-новому подойти к характеристике таких вопросов, как строение юридической нормы, вид норм, система права, и, связав их воедино, исследовать структуру права в целом, взяв за основу «философские идеи системно-структурного подхода в той их части, которая касается состава и закономерных связей элементов сложных систем, – и продолжает в сноске: «В настоящей работе исходными являются теоретические положения о системе и структуре, которые в современной литературе разрабатываются В. Г. Афанасьевым, И. В. Блаубергом, Р. А. Зобовым, Э. С. Маркаряном, Н. Ф. Овчинниковым, В. К. Прохоренко, В. Н. Садовским, В. И. Свицерским, М. И. Сетровым, В. С. Тюхтиным, А. И. Уемовым, Э. Г. Юдиным и другими советскими философами. Используются в работе и теоретические положения о системах и структурах, которые выдвинуты советскими юристами, занимающимися философскими проблемами правоведения.

Не вдаваясь в полемику по ряду еще не решенных, дискуссионных проблем, автор стремился взять на вооружение все ценное, что выдвинуто в философской литературе, и самим фактом использования тех или иных положений конкретно подтвердить их конструктивный характер» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 8]. Учитывалось ученым и своеобразие подходов разных авторов к вопросам системы и структуры, однако при исследовании структуры права это своеобразие оказалось не столь существенным, но, напротив, в имеющихся различных подходах им было обнаружено значительное сходство. Проблема структуры права – сравнительно новая общетеоретическая проблема для 70-х годов прошлого века с учетом соответствующих философских подходов того времени, поэтому автор акцентирует внимание на особенностях смыслового содержания понятия «структура права» в отличие от традиционного понятия «система права»: «Это – не дань модной системой терминологии, а изменения угла зрения, обусловленное современной философской разработкой теории систем» [Там же, с. 11–12]¹. На первый взгляд в работе рассматривались те же самые проблемы, которые обычно освещались в монографиях и учебниках по теории права, прежде всего в теме «Система права» и других разделах теории, – состав и соотношение отраслей и институтов, виды норм и т. д. «Но это лишь на первый взгляд, – подчеркивает автор и продолжает: – в действительности характеристика тех же самых вопросов под углом зрения структурно-элементных отношений позволяет раскрыть важный аспект *права как системы*, высветить новые грани в традиционной проблематике, поставить новые вопросы, а тем самым не только придать качественно новые оттенки, но и охватить понятием “структура права” различные виды и уровни структур, промежуточные образования и т. д.» [Там же, с. 12].

¹ Разрядка авторского текста заменяется везде курсивом.

Системно-структурный анализ права ученый проводил с начала 60-х годов² и, вернувшись к этой теме в середине 70-х, дал краткую оценку своим предшествующим разработкам в этой области – тому, что нашло подтверждение в науке, и тому, что с учетом появления новых данных и материалов потребовало уточнения и развития. Он отметил, что вопросы о делении права на отрасли, о связях между отраслями уже освещались в ранее опубликованных им работах, в частности в книге «Общие теоретические проблемы системы советского права» (1961): «Главные из защищавшихся в то время идей нашли подтверждение и развитие в результате последующего обсуждения и разработки проблемы (о предмете правового регулирования и его чертах; о методе правового регулирования, его многогранности, значении и соотношении с предметом; об объективности системы права и др.). Эти идеи взяты за основу и в данной работе (1975 г. – А. С.). Разумеется, учтены новые данные и материалы, например те, которые обусловили необходимость признания в качестве самостоятельных отраслей земельного и финансового права» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 140]. Отмеченное автором изменение *угла зрения*, связанное с новейшими философскими исследованиями структурно-элементных отношений, потребовало «рассмотрения деления права на отрасли в качестве одного из уровней структуры права в целом. А это позволило не только расширить проблематику, но и дополнить основные идеи, выдержавшие проверку временем, некоторыми новыми моментами, в том числе о вторичных образованиях в системе права, о механизме воздействия на нее системы законодательства и других, а также охарактеризовать структуру советского права как существенную правовую ценность» [Там же].

Одним из важных моментов, зафиксированным ученым еще во введении и вызвавшим впоследствии некоторое, как нам кажется, недопонимание в юридической литературе, является проблема разграничения системы и структуры права, поскольку это хотя и близкие, но далеко не тождественные категории: структура как инвариантный аспект системы, как совокупность устойчивых связей ее элементов, обеспечивающих основные, особые свойства и качество целостности, единства системы, является ее важнейшей характеристикой. И тогда получается, что если систему права определяет, создает, формирует его структура, его сложные, многоуровневые структурные образования и связи, то для глубокого изучения системы права надо анализировать в первую очередь его структуру, что и делает ученый, полностью посвятив работу 1975 года разбору именно структуры советского права. Причем задача разграничения указанных категорий – не из простых, так как на всех этапах научного анализа, а особенно на начальном, необходимо подробное описание состава компонентов (элементов) системы, между которыми и существуют закон, способ связи данных компонентов, их композиция, внутренняя закономерная организация, выражающая упорядоченность, устойчивость (инвариантность) отношений между элементами системы. Таким образом, «структура обеспечивает сохранение целостности, единства явления как системы, образует его каркас (скелет), при помощи которого организуется, упорядочивается содержание данного явления.

Именно такая структура свойственна праву. Она состоит из определенных компонентов – отраслей, институтов, норм, которые образуют элементы единой упорядоченной закономерной организации содержания, единую композицию, систему строения

² Заметим, что интерес к исследованию сложных и тонких соотношений и структур в юридической материи был, по воспоминаниям Сергея Сергеевича, сформирован еще в пору его учебы в юридическом институте благодаря римскому праву, учителям из дореволюционного прошлого – Б. Б. Черепахину и А. М. Винаверу: при более тщательном подходе к юридическим вопросам оказывается, что «действуют не какие-либо отдельные “предписание”, “запрет” или “дозволение”, а строго определенные сочетания или структуры прав, обязанностей, ответственности, фактов (правоотношения). Они-то, эти юридические построения, сочетания или структуры, как раз и образуют юридическую природу – различные “виды”, “составы” – основное при рассмотрении юридических вопросов... И именно это... стало своего рода ключиком в овладении юридическими знаниями» [Алексеев. Круг замкнулся ... 2010, т. 4, с. 156].

элементов (что составляет структуру права – каркас (скелет) его содержания)» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 9–10]. Получается, что само по себе описание элементов, которые составляют систему, тем или иным образом расположены внутри нее и тем или иным образом связаны друг с другом – это одновременно описание и системы, и структуры права. Однако если остановиться только и исключительно на характеристике компонентов самих по себе, то это будет лишь самое первоначальное, исходное и незавершенное описание этих двух феноменов, ибо полная, завершенная характеристика системы права невозможна без анализа ее эмерджентности, целостности, нового качества, не присущего входящим в нее элементам по отдельности и возникающего в результате соответствующих структурных связей между ними, а эти последние – структурные связи – могут быть описаны адекватно только при наличии необходимой и достаточной информации о том, между какими именно компонентами системы права они складываются. Это и отмечает ученый, когда со ссылками на специалистов в области системного подхода выделяет два этапа в познании структуры права: «Изучение состава компонентов советского права не только имеет в нашей науке самостоятельное значение, но и служит первой необходимой ступенью для познания структуры в строгом, точном смысле. На этом, более глубоком, этапе познания структуры права вырисовываются устойчивая упорядоченность его элементов, свойственные им отношения порядка, композиции (генетические и функциональные связи; интегративные свойства и др.) [Там же, с. 21]. И только на более глубоком этапе познания право предстает в виде единой, внутренне юридически согласованной системы, цельного правового организма. По мере усложнения задач, решаемых юридической наукой, по мере «все большего “погружения” научной мысли в структурные связи будет изменяться и содержание понятия “структура права”; центр тяжести в нем все более будет перемещаться от моментов строения, состава к моментам, которые выражают отношения упорядоченности, интегрированности, целостности. Однако, видимо, оно сохранит и моменты, выражающие строение, состав реальных структурных подразделений советского права» [Там же, с. 21–22]. Однако именно этого и не учитывает, как нам представляется, профессор, член-корреспондент АН СССР и позже РАН Д. А. Керимов³ (см. подробнее: [Семитко 2024, с. 92–93]), труды которого, кстати, С. С. Алексеев неоднократно и в основном в позитивном ключе упоминал в работе 1975 года.

В первой главе «Общая характеристика структуры советского права» работы (в первых двух фрагментах ее первого параграфа «Понятие структуры советского права») С. С. Алексеев рассматривает: 1) свойство системности права с позиции марксизма, анализируя известный методологический тезис Ф. Энгельса («Право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [Маркс, Энгельс 1965, с. 418]), и 2) разбирает философский (системный) подход к выделению трех классов совокупностей объектов, ссылаясь на работы И. В. Блауберга, В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина, согласно которому первый класс – это неорганизованная совокупность, или «суммативное целое», второй – неорганичная система, или просто «организованная» совокупность, третий – органичная система. Первый из указанных классов – это явление чисто суммативного порядка,

³ В рецензии на работу С. С. Алексеева также отмечается, что ученый недостаточно точно разграничивает понятия «система права» и «структура права», поскольку солидаризуется с определением структуры, которое дает В. И. Свидерский и которое подвергнуто критике в философской литературе. Указание на спорность философских, методологических оснований в разграничении категорий «система» и «структура» – это сильный ход рецензентов, однако он был бы более обоснованным и убедительным, если бы они объяснили, как и каким образом реализация философских оснований в юридическом материале приводит также к смешению и сформированных на их основе правовых категорий. Ведь философский материал – это только исходный пункт анализа, а далее в него привносятся юридические закономерности и особенности, которые имеют более конкретизированный и относительно самостоятельный характер, и этот последний не обязательно следует «послушно» за своими философскими основаниями (см.: [Горшенев В. М. и др. 1976, с. 144–145]).

которое вообще не относится к системам, а системные объекты в строгом смысле бывают лишь двух типов – организованные и органичные системные образования. Если организованная система – это соединение в обособленную целостность относительно обособленных элементов, то органичное системное образование – это «физически» неделимое, саморазвивающееся целое. Для обоих типов систем одинаково характерно наличие связей между элементами, то есть структуры, и появление в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности: связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура – отличительные признаки любой системы. Право каждого государства, по мнению ученого, тяготеет к типу органичных систем. Однако если брать генетический аспект, то на ранних стадиях формирования права оно первоначально состоит из отдельных разрозненных, подчас не согласованных между собой юридических предписаний. Незрелая правовая система представляет собой лишь более или менее организованное неорганичное целое. Однако по мере правового развития, усложнения правового регулирования и, следовательно, по мере возрастания необходимости внутренней юридической согласованности норм в результате законодательной деятельности государства происходит накопление правовой системой таких черт, которые свойственны органичному целому. Однако тенденция к предельной юридической согласованности, гармоничности правовой системы наталкивается на противоречия дальнейшего развития общественных отношений, и прежде всего экономического развития. Автор подчеркивает этот последний фактор, как это и принято было в советской научной литературе, базирующейся на марксистской методологии, однако отмечает и фактор разнонаправленных (т. е. как позитивных, так и негативных) субъективных влияний, нарушающих целостность права и тенденцию к его дальнейшей внутренней юридической согласованности [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 14–18]. В итоге данного рассмотрения ученый делает вывод о том, что «советское право как система – это такое специфическое социальное явление, которое представляет собой нечто среднее, промежуточное между “просто” организованной и органичной системами. В нем сочетаются, сосуществуют черты и того и другого, удельный вес которых является величиной подвижной, переменной: в зависимости от социально-классовой природы, степени развития, исторических условий национальная правовая система обладает различным уровнем органичности. Здесь есть и своего рода закономерность: в праве заложена потенция быть органичным образованием, но завершённой органичной системой оно никогда быть не может» [Там же, с. 18–19].

В рецензии на «Структуру советского права» А. А. Кененов и Ю. В. Кудрявцев вступают в полемику с указанным выводом: «Органичность системы предполагает достаточную степень ее самостоятельности, независимости, устойчивости (во всяком случае к внешним воздействиям). Право же в определенном смысле – ничто без государства, непосредственно его создающего и изменяющего, без общества, оно всецело зависит от них. Поэтому, как нам представляется, будет точнее, если относить право к классу “просто организованных”, а не органичных систем» [Кененов, Кудрявцев 1976, с. 92]. Авторы обратили внимание на особенность подхода С. С. Алексеева, в соответствии с которым он не относит право к органичным системам, а утверждает лишь, что право – это нечто среднее, промежуточное между “просто” организованной и органичной системами и что в праве заложена потенция быть органичным образованием, но завершённой органичной системой оно никогда быть не может, однако, исходя из оценки права как несамостоятельного придатка государства («ничто без государства»), не согласились с отмеченной С. С. Алексеевым потенцией права быть органичным образованием. В отличие от взгляда рецензентов ученый полагает, что только неразвитое право может быть отнесено к классу более или менее организованного неорганичного целого, к классу «просто» организованных, неорганичных систем.

Сделаем оговорку о том, что в данной работе, как и в целом на протяжении практически всего первого этапа научного творчества мыслителя⁴, категории «система права» и «правовая система» используются им в основном как синонимы, как понятия взаимозаменяемые, включая более позднюю работу «Общие дозволения и общие запреты в советском праве» (1989), хотя уже в работах начала 80-х гг., в том числе в первом томе курса «Общей теории права» (1981) был выделен отдельный параграф или, точнее, пункт главы с названием «Правовая система», в котором последняя охватывала такие элементы, как собственно право (или система права при анализе строения позитивного права), юридическая практика (судебная, прежде всего) и господствующее правосознание, точнее, все то, что принадлежит к правовой идеологии; было акцентировано внимание на необходимости строгого разграничения понятий «правовая система» и «система права» [Алексеев 1981, с. 86–91; Алексеев 1980], а в разделе (пункте главы) о перспективах разработки общего понятия права среди конструктивных направлений таковой ученый выделил необходимость утверждения, наряду и в связи с понятием «право», другой научной категории – «правовая система», что позволит проводить анализ права в единстве и соотношении с правовой действительностью, особенно с право-конкретизирующими предписаниями органов правосудия, а также с учетом роли в этой сфере правовой идеологии, в том числе юридической науки, профессионального правосознания [Алексеев 1981, с. 105–106]. Во второй период научного творчества ученый практически всегда разграничивал указанные понятия, включая в правовую систему, так же как и ранее, собственно позитивное право, правовую идеологию и юридическую практику [Алексеев 1995, с. 83–85; Алексеев 1999, с. 47; Алексеев. Восхождение ... 2010, т. 6, с. 84].

В современной российской теоретической юриспруденции высказано мнение о том, что перешедшее в нее из советской юриспруденции разграничение смыслов между «системой права» и «правовой системой» бесперспективно, тавтологично, а также идеологически и концептуально безосновательно, в связи с чем один из авторов этой идеи, М. В. Антонов, приводит в ее обоснование очень интересные, но, с нашей точки зрения, неубедительные аргументы, предлагая для характеристики упорядоченного множества норм позитивного права той или иной страны использовать термин «правопорядок», оставив понятие «система» для описания права в аспекте компаративистики [Антонов 2014]. Возможно, что такая позиция исходит, помимо всего прочего, из вполне понятной и обоснованной озабоченности М. В. Антонова сомнительностью построения категориального аппарата науки при помощи простых перестановок слов в устоявшихся терминологических словосочетаниях. Действительно, вряд ли мы получим какой-то познавательный, эвристический эффект, если будем искать какие-то смысловые нюансы в понятиях «правопонимание» в отличие от «понимания права», «правоприменение» в отличие от «применения права» или в «реализации права» в отличие от «правореализации» и т. д. Однако это не относится к понятиям «система права» и «правовая система» (как и к ряду некоторых иных понятий), так как в указанных терминологических словосочетаниях «защит» известный методологический параметр – системный подход, что резко меняет всю ситуацию, которая в итоге отличается качественно от простых, механических перестановок типа «применение права» или «правоприменение» и т. д. И второй немаловажный момент: сложившаяся в советское время научная традиция принята юридическим сообществом не случайно еще и потому, что здесь совершенно очевидно речь идет о разных «наборах» компонентов, которые входят в каждое из этих понятий: система права включает только позитивное право, рассмотренное как система, а правовая система помимо позитивного права объединяет «в себе» все правовые явления (или значительную их часть), которые существуют в социуме. На высказанные же далее М. В. Антоновым справедливые беспокойства по поводу разного понимания понятий «система» и «право» можно ответить, что это – вполне нормальный для науки

⁴ Обоснование двух этапов творчества мыслителя [Семитко. С. С. Алексеев – мыслитель-правовед ... 2019].

процесс отработки и шлифовки ее категориального аппарата, поиска наиболее адекватных смыслов используемых в ней терминов и понятий, которые разделялись бы подавляющим большинством ученых. Стремиться к тому, чтобы все научные термины, понятия и категории трактовались учеными одинаковым образом, наверное, можно, но при этом надо отдавать себе отчет в том, что это лишь очень высокий научный стандарт или идеал, который, как показывает история науки, вряд ли достижим.

Наряду с понятием «правовая система» в юриспруденции используются (с учетом разных методологических подходов в том числе) «одномерные», то есть такие же широкие, сопоставимые с ним по объему понятия, как правовая надстройка, правовая действительность, правовая материя, механизм правового регулирования, правовая культура, правовая жизнь, правовая сфера, или правовая область, общественных отношений и т. д. Однако «правовая система» (как, кстати, и «механизм правового регулирования») изначально наполнена серьезным методологическим содержанием, что позволяет без каких-либо проблем отграничить ее от системы права, что в полной мере соответствует принципу иерархичности системного подхода, когда каждый элемент правовой системы может быть и сам рассмотрен как система: система права, система юридической деятельности, система правового сознания, где ведущей подсистемой является правовая идеология [Михайлов 2023, с. 599–629]. С М. В. Антоновым можно согласиться в том, что юристам надо работать над самим понятием системы (как и над понятием права, а здесь уже – вечная проблема юриспруденции), уточняя его содержание в применении к предмету юридической науки. А что касается способа создания новых категорий путем перестановок определяемого и определителя, то в некоторых случаях (а не только при использовании системного подхода) подобного рода «перестановки» слагаемых могут иметь определенный смысл: скажем, стабильность права и правовая стабильность (достигаемая другими действующими субъектами правовой системы в целом, кроме законодателя, например), правовой принцип и принцип права (хотя автор этих строк считает, что можно использовать последние два понятия как равнозначные, как синонимы) и т. д.

В целом позиция М. В. Антонова сопровождается рядом серьезных аргументов и требует основательного разбора, что увело бы нас далеко в сторону от основного предмета исследования; отметим лишь то, что, допуская использование понятия «система» для описания права в аспекте компаративистики, автор упускает из виду, что таким образом, по сути дела, разрушается его же собственная позиция против использования данного понятия в рамках общей теории права, так как компаративисты не придумывают своих собственных понятий, ибо пользуются категориальным аппаратом общей теории права, а в некоторых случаях – даже более того – сравнительно-правовые исследования позволяют, как подчеркивал С. С. Алексеев, ожидать появления новых правовых категорий, которые участвуют в достройке категориального аппарата общей теории права [Алексеев 1974, с. 27]. Получается в итоге, что М. В. Антонов гонит в дверь, но пропускает в окно понятие «система», оставляя его для описания права в компаративистике, однако в таком случае оно неминуемо вернется из последней в общую теорию права и потребует от научной юридической общественности уточнить понятие «правовая система», то есть достроить категориальный аппарат общей теории права для более продуктивного его использования как в сравнительном правоведении, так и в общей теории права. И еще М. В. Антонов не учитывает, что термин «правопорядок» в нашей науке уже «занят» другим, гораздо более глубоким и широким содержанием, а потому не может быть отождествлен с одним только «множеством норм позитивного права» – это разные и даже разноплоскостные понятия.

В работе 1975 г. автор дает определение структуры права – структуры системного объекта, то есть структуры системы права, выделяя два этапа научного познания последней – анализ состава элементов и далее изучение их упорядоченности (генетические и функциональные связи; интегративные свойства и др.), что явно показывает разграничение категорий системы и структуры, в противоположность упомянутому выше

критикам, которые ошибочно полагают, что С. С. Алексеев их отождествлял. Проблема в последнем случае в том, что изучение структуры права на первом этапе, действительно, требует дать характеристику элементов системы права, но останавливаться на этом недостаточно. Проводя строгое различие понятий «система права» и «структура права» и упоминая в связи с этим работу «Структура советского права», автор которой также исходит из их разграничения, Т. В. Кашанина справедливо подчеркивает, что «С. С. Алексеев не мог обойтись без исследования самих элементов, составляющих право (правового предписания, правового института, отрасли права)», в то время как большинство авторов на сегодняшний день «основную свою энергию затрачивают на характеристику системы права, не уделяя должного внимания тому, как же соотносятся элементы системы права» [Кашанина 2012, с. 154], то есть не уделяя должного внимания собственно структуре права.

Основные подразделения структуры права могут быть выделены при условии необходимого уровня их юридического своеобразия, которое выражается в показателях троякого рода: регулятивные свойства (метод регулирования, приемы воздействия, механизм и др.); интеллектуально-волевое содержание (принципы права, общие положения и пр.); внешняя форма права (известная обособленность в законодательстве). Право – «это *полиструктурная* регулятивная **система**: ему, как и иным **целостным системным образованиям**, свойственна известная **иерархия структур**. В советском праве, в частности, могут быть выделены особый слой **структурных образований**, которые можно назвать **комплексными**, а также **идеальные структуры** – **логические нормы, юридические конструкции**, регулятивная и охранительная **подсистемы**.

Однако как бы ни была сложна иерархия структур в праве, ее стержнем является **главная структура**, выражающая строение права, его дифференциацию на нормы, институты, отрасли.

Разумеется, этой триадой (норма, институт, отрасль) не исчерпывается сложное **строение** права. Указанные звенья характеризуют лишь главные вехи **правовой системы**. Кроме норм, институтов, отраслей, которые являются необходимыми элементами **правовой системы**... есть и такие, не всегда необходимые правовые образования, как субинституты и подотрасли. Особое место в **правовой системе** занимают правовые принципы (жирным шрифтом выделено нами. – А. С.)» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 24–25]. Итак, **главная структура**, главные, несущие конструкции при характеристике строения права – это правовые нормы, правовые институты и отрасли права. Одновременно та же триада представляет собой и элементы **системы права** – главные вехи **правовой системы**. Автор на протяжении нескольких процитированных здесь предложений говорит то о структуре, то о системе права, то о правовой системе. Есть ли здесь отождествление или смешение системы права (правовой системы) и его структуры? Разумеется, нет, на что мы уже обращали внимание ранее: первый этап исследования **структуры права** – это определение **элементов системы**, между которыми складываются устойчивые структурные связи, приводящие ту или иную совокупность, множество элементов в особое состояние, которое называют системным образованием, то есть системой. Помимо указанной ключевой триады, помимо субинститутов и подотраслей, автор выделяет еще такие подразделения, как ассоциации норм, объединения институтов и семьи отраслей, – все они в одной плоскости концентрируются вокруг главной триады, и именно в данной плоскости подразделения правовой системы в наибольшей степени объективированы [Там же, с. 25].

Выделяя основные звенья структуры советского права (нормы, институты, отрасли), автор отмечает особенности их специфического федеративного структурного построения, в результате которого советское право выступало в виде союзно-республиканского права [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 25–27]. Заметим, что специфическое федеративное структурное построение современного российского права выступает в виде права федерации и права ее субъектов. В качестве специфической, «наслаивающейся» структуры в правовой системе общества выступают вторичные, комплексные

образования, возникающие в результате «удвоения структуры права. Комплексные образования есть *вторичная* структура, которая наслаивается над главной» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 29], то есть над первичной, основной структурой – профилирующими и специальными отраслями права. И сразу же возникает вопрос-гипотеза: а можно ли говорить об *удвоении системы права*, когда возникает еще одна – *вторичная* система права, наслаивающаяся над главной, основной, то есть можно ли говорить о наличии в стране двух систем права – основной и вторичной со всеми вытекающими признаками и требованиями, предъявляемыми к системам, тяготеющим к типу органических систем с новыми – теперь уже двумя и, видимо, различными – качествами, двумя относительно обособленными, частично автономными целостностями и т. д., и т. п.? Полагаю, что внимательному читателю сразу же бросилась в глаза абсурдность такой гипотезы, но для чего она тогда сформулирована? Для того, чтобы показать, что об отождествлении или смешении системы и структуры права в концепции С. С. Алексеева и речи быть не может. Ведь если бы этот, рассмотренный ранее вывод, сделанный философом права Д. А. Керимовым и рядом других авторов в отношении анализируемой нами концепции, был верен, тогда и подобные следствия из него должны бы быть истинными или, как минимум, правдоподобными, то есть не казались бы столь спорными и сомнительными, и наоборот: неприемлемые следствия вытекают только из ошибочного утверждения об отождествлении системы и структуры права в концепции С. С. Алексеева.

Продолжая структурно-функциональный анализ системы права, автор отмечает наличие и функционирование нескольких структур в последней, то есть речь не идет, как только что было замечено выше, о существовании в государстве нескольких систем права, что в развитых правовых порядках невозможно (но не исключено в предыдущие исторические эпохи становления и развития права [Алексеев. Проблемы ... 2010, т. 3, с. 29; Алексеев 1981, с. 108–109]⁵), речь идет о различных структурах в рамках одной правовой системы – главной, комплексной (вторичной) и идеальной: «В принципе внутреннее строение права исчерпывается главной и комплексной структурами, выражающими фактическое сочетание и взаимодействие реальных компонентов социалистической правовой системы. Вместе с тем в рамках основных подразделений советского права существует еще одна структура, которая характеризует не сам по себе состав реальных компонентов права, а прежде всего их композицию, их скелет, “законы связи”, т. е. структуру в точном философском значении этого слова. Ее условно можно назвать идеальной.

Существование и функции идеальной структуры связаны со специализацией советского права... В результате специализации происходит все большее дробление элементов правовой системы. Специализируясь на выполнении весьма узкой группы операций, правовые предписания, институты, да и отрасли права превращаются в “усеченные” положения и их комплексы.

Однако сколько бы ни дробились элементы правовой системы, она все время сохраняет качество цельного правового образования. Все элементы правового организма жестко сцеплены правовой структурой (понимаемой как закон связи элементов содер-

⁵ О средневековых плюралистических правовых системах более подробно пишет, например, Г. Берман, но это – вопрос истории и для западных правовых систем тоже: «Возможно, самая яркая черта западной традиции права – это сосуществование и соревнование внутри одного общества различных юрисдикций и различных правовых систем. Именно этот плюрализм юрисдикций и правовых систем и делает превосходство закона необходимым и возможным. Правовой плюрализм проистекал из дифференциации церковной власти от светских властей... Сама сложность общего правового порядка, содержащего разнообразные правовые системы, обеспечивала правовую изоционность... Этот плюрализм права на Западе, который отражал и одновременно укреплял плюрализм политической и экономической жизни Запада, явился, или когда-то являлся, источником развития, или роста – правового, равно как и экономического и политического. Он также стал, или когда-то был, источником свободы» [Берман 1994, с. 27].

жания). Сама природа, логика права обуславливает наличие своего рода типовых схем, моделей, объединяющих правовой материал как бы изнутри.

Эту функцию и выполняет идеальная структура. Она не наслаивается на главную структуру и, следовательно, не может быть охарактеризована в качестве вторичного образования, а, напротив, представляет собой “идеальный скелет” правовой системы, выражающий природу, логику права как специфического общественного явления.

Идеальную структуру советского права образуют: логические нормы, правовые конструкции, главные подсистемы права» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 30–31]. Если право, продолжает далее автор, образует целостную систему, то главными ее подсистемами (о существовании которых в праве указал А. А. Ушаков, напоминает читателю С. С. Алексеев) являются регулятивная и охранительная, соответствующие в общем регулятивной и охранительной функциям права, которые выражают своеобразие права как нормативно-властного инструмента социального управления и показывают, какую «работу» выполняет право в социальной системе – регулирование, упорядочение, гармонизацию общественных отношений и их охрану. Однако «регулятивного права» и «охранительного права» в чистом виде не существует, но если рассматривать регулятивную и охранительную подсистемы в качестве идеальной структуры, то это деление окажется весьма существенным для понимания сложного строения права, закономерных связей образующих его элементов. И в заключение параграфа об основных подразделениях структуры права и видах правовых структур автор еще раз акцентирует внимание на том, что элементы идеальной структуры права (логические нормы, юридические конструкции, главные подсистемы) не образуют единого взаимосвязанного построения: «Они выражают логику, “идеальные схемы” основных подразделений, живут внутри них, проявляясь в специфике композиции нормативных предписаний, правовых институтов, отраслей права» [Там же, с. 33]. Возникает вопрос о главных подсистемах права – регулятивной и охранительной, которые выступают одновременно и в качестве элементов идеальной структуры права: нет ли в данном случае отождествления системы и структуры права? Ответ на этот вопрос вновь будет отрицательным, и вот почему.

В системном подходе существует несколько базовых принципов, или постулатов, одним из которых является многоаспектность описания системы, вытекающая из того, что в силу принципиальной сложности любой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы. Поэтому в ряде случаев те или иные структурные подразделения права можно рассматривать одновременно и как подразделения системы – ее подсистемы, но акцент при рассмотрении подсистем и структурных образований будет, разумеется, разным: в первом случае – на характеристике целостности, единства, нового качества, которое формируется в рамках того или иного аспекта рассмотрения системы за счет соответствующих подсистем, а во втором – на вопросе о том, какие структурные связи складываются между данными подсистемами и входящими в них элементами системы, каким образом они обеспечивают целостность и устойчивость системы в целом и т. д. Так, например, функциональный аспект системы права предполагает анализ регулятивной и охранительной подсистем; особенности построения права с точки зрения формы государственного устройства как аспекта рассмотрения системы позволяют говорить не только о соответствующей структуре – союзно-республиканской, но и о соответствующих подсистемах права (а сегодня – о подсистеме федерального права и права субъектов Российской Федерации); аспект нацеленности права на защиту публичных или частных интересов позволяет выделять подсистемы публичного и частного права; подсистемы материального и процессуального права могут быть выделены в правовой системе в случае анализа нацеленности правовых средств на непосредственное формирование содержания прав и обязанностей участников общественных отношений или на процессуально-процедурное, организационное обеспечение индивидуально-властных мер регулятивного или охранительного характера, в том числе при возникновении

споров, необходимости применения мер правового принуждения и т. д. Во всех этих случаях речь идет о выделении тех или иных «срезов», моделей, аспектов системы права, необходимых для адекватного ее познания и описания. Дальнейший углубленный анализ различных аспектов системы требует также и рассмотрения складывающихся между указанными подсистемами структурных связей.

Структура советского права, хотя вполне можно утверждать, что структура любого развитого национального, в том числе и входящего в континентальную семью правовых систем современного российского права, базирующегося на кодифицированном законодательстве как ведущем источнике права, – это *многоуровневая* структура. Ученый выделяет четыре основных ее уровня, исходя из того, какие функции выполняют отдельные подразделения права, – это: «структура отдельного нормативного предписания; структура правового института; структура отрасли права; структура права в целом, т. е. система права (в специальном значении этого термина)», – и далее автор дает обоснование такого деления: «Право – это функциональная система; отдельные его подразделения обособляются в связи с теми функциями, которые они осуществляют в процессе регулятивного воздействия на общественные отношения. *Особые функции присущи подразделениям советского права и на каждом из указанных уровней.* Если функции нормативных предписаний состоят в обеспечении конкретизированного и детализированного закрепления общих масштабов (эталонов) поведения участников общественных отношений, их прав и обязанностей, мер, гарантирующих обязанности, и т. д., то на последующих, более высоких уровнях правовой системы осуществляются функции, обеспечивающие юридическое согласование правового воздействия, цельное, единое регулирование общественных отношений. Каждый уровень структуры в соответствии с особенностями осуществляемых функций имеет свою композицию, свой закон связи образующих данное подразделение элементов... Для самого высокого уровня – системы права (в традиционном понимании этого термина) – характерно сложное сочетание отраслей и составляющих их институтов.

В силу цельности системы советского права все указанные уровни спаяны органическим единством» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 33–34]. Выделенные ученым четыре уровня структуры соответствуют четырем уровням возможного рассмотрения системы – возможного исходя из принципа иерархичности, когда каждый компонент системы может и сам в свою очередь рассматриваться как отдельная система; а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой, более крупной системы: нормативное предписание (его элементами, если продолжить реализацию данного принципа системного подхода, будут гипотеза и диспозиция, причем в охранительных предписаниях диспозиция называется санкцией), правовой институт, отрасль права и система права в целом. Каждому из указанных уровней иерархично построенной системы соответствуют свои внутренние и внешние структурные связи. При этом следует обратить внимание на два смысла понятия «система права», на чем акцентируется внимание в приведенной цитате. Система права (в традиционном понимании этого термина) как сложное сочетание отраслей и составляющих их институтов и система права (в специальном значении этого термина), трактуемая как структура права в целом. Об этом же автор писал и в «Проблемах теории права»: на используемую в юридической науке терминологию известное влияние оказывает сложившееся «традиционное словоупотребление. Традиционно в юридической науке слово “система” употребляется для обозначения наиболее крупного деления в праве – деления на отрасли и институты. Между тем с точки зрения теории систем этим термином обозначается явление в целом, охватывающее все его структурные подразделения. Вот почему, помимо иных оснований, и потребовалось обозначение строения права как сложной системы при помощи термина “структура” (сохранив термин “система” для характеристики способа и характера связи между отраслями и институтами права)» [Алексеев. Проблемы ... 2010, т. 3, с. 130]. Ту же мысль ученый разъясняет и в работе

«Общие дозволения и общие запреты в советском праве» (1989) [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 425–426].

Зафиксировав четыре уровня структуры права, отметив, что одной из важных ее особенностей является то, что все образующие ее элементы (за исключением нормативного предписания – первичной клеточки правовой системы) охватываются понятием «правовая общность», реальным показателем которой являются нормативные обобщения, автор переходит к анализу разнообразных и разноплоскостных связей – генетических (внешних и внутренних), функциональных (которые подразделяются на связи субординации и связи координации) и связей строения, или внутрисистемных, имеющих особо важное значение. Структура права выражает его динамические и статические свойства, отличается устойчивостью, инвариантностью, поскольку сама структура – инвариантный аспект всякого системного объекта, в том числе права, рассматриваемого как система. Устойчивость структуры права подкрепляется еще и тем, что «праву свойственны начала стабильности, связанные с нормативностью и формальной определенностью правовой формы общественного регулирования. Право есть такая нормативная, формализованная система общественного регулирования, которая призвана обеспечить стабильное регулирование “вперед” – регулирование на твердых, постоянных основах» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 40]. Вместе с тем право – это динамическая система. В результате правотворческой деятельности компетентных органов в правовую систему вводятся новые нормы, изменяются и/или отменяются старые. Эти изменения во многих случаях не приводят к преобразованию структуры права, но при накоплении определенного количества изменений время от времени происходит известная ее перестройка. В разных работах ученый неоднократно говорит и о том, что сама эта правотворческая деятельность имеет объективно-субъективную природу, то есть, будучи субъективной по своей основной природе, она все-таки обусловлена рядом объективных и других объективно-субъективных факторов – таких, как экономические отношения, политика, наука, культура, иные факторы духовной жизни. Законодатель по разным причинам может иногда сильно отклоняться от всех этих факторов, а также и от закономерностей самой правовой материи в том числе, но в таком случае право «мстит» тем, что в обществе возникают противоречия, трудности, а порой и колоссальные издержки, чего любой, а тем более разумный законодатель стремится, как правило, избежать, а значит, он связан всеми перечисленными факторами и, следовательно, его влияние на структуру права обычно коррелирует с осознаваемыми социумом, его управленческой элитой общественными потребностями.

Сославшись на классиков российского системного подхода, которые подчеркнули, что «весь пафос системных исследований направлен на поиски системообразующих факторов» [Блауберг, Садовский, Юдин 1970, с. 45], ученый переходит к анализу последних, определяющих структуру права, и выделяет факторы внешние и внутренние, главные (предмет правового регулирования и функции права, функции отдельных его подразделений) и дополнительные, – все они в своей совокупности «обеспечивают» объединение элементов в систему. Это объединение происходит через воздействие соответствующих факторов на структуру права, являющуюся непосредственным результатом и выражением свойственного развитому правовому регулированию процесса *специализации*, которая представляет собой «своеобразный (и требующий в науке особого внимания) закономерный процесс “собственно правового” развития, воплощающий действие всего комплекса системообразующих факторов. Суть этого процесса состоит в том, что в праве происходит и усиливается «разделение труда», в результате которого отдельные нормы и их комплексы всё более дифференцируются на выполнении тех или иных операций, конкретизируется их содержание и одновременно осуществляется интеграция правового регулирования. Основными, частично перекрещивающимися, формами специализации права являются: дифференциация (предметная и функциональная), конкретизация (детализирующая и вариативная) и интеграция правового регулирования, т. е. обобщенная регламентация того единого, совпадающего,

что свойственно группам общественных отношений, их принципов и т. д. Интеграция правового регулирования усиливается с ростом юридической культуры: выделяются нормы, призванные только закреплять известные общественные отношения, их основы (в частности, конституционные нормы), законодатель все чаще выводит за скобки общие, повторяющиеся моменты, касающиеся определенной группы норм (например, правосубъектности, условий совершения тех или иных правомерных действий и т. п.). В виде отдельных нормативных положений формулируются некоторые юридические понятия, принципы права. И, таким образом, делает вывод автор, специализация права, в особенности в форме интеграции правового регулирования, – это посредствующее звено в механизме воздействия на структуру советского права таких социальных явлений, как культура, наука, иные факторы духовной жизни общества [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 48–50]. Это заключительное положение первой главы «Структуры советского права» показывает, что С. С. Алексеев, отнюдь не отрицая устоявшихся положений марксизма о роли экономического базиса в развитии общества (ибо о них он упоминал ранее в первой главе), делал особый акцент на духовных факторах, которые влияют на развитие структуры права и через которые на последнюю, преломляясь в той или иной мере, оказывают свое влияние факторы экономического характера.

В следующей главе – «Структура советского права и структура советского законодательства» – ученый отмечает, что первая носит объективный характер, представляет собой объективную закономерность. Что касается второй, то она, хотя и связана с прямым усмотрением законодателя, представляет собой, в конечном счете, также явление объективного порядка. Несмотря на совершенно верное указание ряда авторов, на которых ссылается С. С. Алексеев [Систематизация хозяйственного законодательства 1971, с. 52], на то, что в системе законодательства существует соединение объективных моментов с субъективными, эти последние имеют весьма жесткие пределы, а потому система законодательства относится к явлениям объективного порядка, что очень легко продемонстрировать самым простым мысленным экспериментом, а именно: давайте «разрежем» все наши кодексы, а также возглавляющую их Конституцию России – ключевой для конституционного и всего российского права кодифицированный акт – на отдельные статьи, из которых они состоят (таковых в указанных актах насчитывается более 10 тысяч – пункты Приложений к Таможенному кодексу Евразийского экономического союза примем за отдельные статьи), и поместим их в гигантский крутящийся барабан – лототрон, запустим его и будем вынимать выпадающие оттуда в случайном порядке статьи, присваивая им соответствующий порядковый номер – от 1 до 10 000 и далее, – и помещать их в порядке возрастания при поступлении каждой новой статьи в крупные «кодифицированные» акты. На каждые 500 статей будем формировать новый «кодекс» и получим: от 1 до 500 – кодекс № 1, от 501 до 1000 выпавших статей – кодекс № 2 и т. п., и т. д. Получим в итоге 20 таких кодексов (в одном-двух последних может быть 600–700 статей) вместо нынешних 22 (если считать Конституцию РФ кодифицированным актом) – почти то же самое по количеству, но без соответствующих названий («поименованные» лишь порядковыми числительными или какими-то иными пришедшими на ум ассоциативными наименованиями), в полном хаотическом беспорядке и без ключевого конституционного акта, статьи которого будут рассыпаны, возможно, по всем новым 20 «кодифицированным» актам. Абсурдность этой ситуации доказывает, с нашей точки зрения, что система законодательства носит в основном объективный или даже – уточним без особых колебаний – весьма жесткий объективный характер. Возможности субъективного вмешательства законодателя, юридической науки, учета тех или иных интересов, культурных, исторических, прочих традиций, факторов целесообразности, определенных приоритетов и/или всевозможных политических капризов весьма велики, но не бесконечны, так как ограничены достаточно жесткими рамками, после которых мы получим ситуацию в большей или меньшей степени приближающуюся к вышеописанной только что картине. «Было бы неверным, – пишет ученый, – представлять себе право в виде такой “субъективной сферы”, из которой можно лепить

все что угодно, изменять без каких-либо ограничений» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 62].

В то же время возможности субъективного воздействия на формирование системы законодательства настолько важны и значительны, что могут оказывать обратное влияние на структуру права. Изменение последней могло бы иметь место лишь при условии изменения самого содержания правового регулирования потому, что в строении законодательства, в соотношении и содержании нормативных правовых актов есть многое, что относится только к внешней форме права и не выражает особенностей его структуры. «Для законодателя структура права выступает как своего рода объективная закономерность. Законодатель не волен (без ущерба для эффективности права) по своему свободному усмотрению “кроить и перекраивать” нормативные юридические акты, произвольно изменять их строение и иерархию» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 56].

В последующих трех главах (3–5) ученый рассматривает главную структуру, выражающую строение права, его дифференциацию на нормы, институты и отрасли. В главе «Нормативное правовое предписание» анализируется состоящее из двух элементов нормативное предписание, подчеркивается его «конечность, своего рода физическая неделимость этого исходного подразделения структуры» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 84] и логическая норма права, в которой проявляются закономерные связи (структура) между предписаниями и их элементами. Нормативное предписание – это первичная, элементарная частица самой правовой материи, выражающая ее содержание, с ней совпадает исходная единица правового текста, относящегося к внешней форме права, поэтому предписание и статья – явления разноплоскостные, их нельзя отождествлять. Анализируются нормативные предписания-принципы, образующие стержень правовой системы, активный центр целостного системного образования в силу того, что данные компоненты играют ведущую роль внутри и вне этого целостного образования. Разновидности юридических норм рассматриваются как выражение структуры права на уровне его первичного звена (предписаний). Особое внимание обращается на специализированные нормы общего характера (закрепительные, декларативные, дефинитивные), и именно они выражают процесс интеграции правового материала: «Выполняя функцию “цементирующего средства” в структуре права, они своим содержанием выявляют юридическое своеобразие правовых общностей и, следовательно, сам факт реального существования подразделений следующих, более высоких уровней» [Там же, с. 95]. Обособляя структурные общности в системе права, они вместе с тем выполняют и регулятивные функции. Развитие специализации права состоит, помимо иных моментов, в том, что регулятивные, правоохранные, общие предписания обрастают разнородными конкретизирующими положениями и, таким образом, на базе каждой из указанных разновидностей постепенно формируются самостоятельные правовые общности. Конкретизирующие положения следуют за основной нормой и нередко соединяются в «связки» норм, которые могут быть сложными и многозвенными, но главное в том, что в этих «связках» нередко вырисовывается некоторая общность предписаний, своего рода *ассоциации норм*. «Первичные ассоциации норм отличаются от правовых институтов тем, что, как и отдельные нормы, ассоциации носят в общем единичный характер. Это – общность не равноправных предписаний, а скорее одна основная норма со “свитой” сопровождающих ее конкретизирующих предписаний. В то же время именно с ассоциации “всё начинается” в структуре права. Ассоциации – ростки, из которых при наличии необходимых условий формируются устойчивые правовые общности – правовые институты, ростки, которые появляются нередко в результате прямого восприятия законодателем правоположений, вырабатываемых в юридической практике» [Там же, с. 101]. И, возвращаясь к вопросу о внешней форме права и вопросам юридической техники, ученый отмечает, что если отдельное нормативное предписание соответствует, как правило, не статье нормативного акта в целом, а лишь ее подразделению (части, абзацу, пункту), то статья нормативного акта –

это, по всей видимости, «*типичская форма выражения и закрепления ассоциации нормативных предписаний*» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 102]. В заключении главы отмечается, что некоторые нормативные положения, содержащиеся в кодифицированных актах, имеют характер вторичных предписаний, то есть даже на уровне первичного звена советского права можно обнаружить случаи удвоения нормативных предписаний, диффузии норм, – обстоятельство, весьма существенное для понимания комплексных образований на более высоких уровнях структуры советского права.

Правовой институт, отмечает ученый в следующей – четвертой – одноименной главе, представляет собой *первичную правовую общность*. Это – обособленный «блок», «агрегат» отрасли права, объединенный цельной, единой юридической конструкцией: при отсутствии последней в совокупности правовых норм нет оснований говорить о наличии в данном случае правового института. Общие, регулятивные и охранительные правовые институты имеют каждый свою особенную структуру, в которой, однако, могут быть выделены единые моменты, вытекающие из их функций в правовой системе, главная из которых в том, чтобы в пределах своего участка общественных отношений данного вида или рода обеспечить цельное, относительно законченное регулирование. Для этого правовой институт должен обладать полным «комплексом» норм, при помощи которых возможно охватить все существенные моменты регулирования соответствующего участка. Обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия на определенный участок отношений – главный, обособляющий те или иные общности норм в институты права признак.

Для структуры правового института, которая и формирует правовой институт как системно-целостное, нерасчленимое образование, единую правовую общность, характерны (речь идет о единых моментах): «а) наличие комплекса “равноправных” нормативных предписаний. В отличие от ассоциаций норм (где, по существу, имеется одна генеральная норма с сопровождающими ее конкретизирующими предписаниями) в институт входит несколько однопорядковых нормативных положений; б) известная, как правило, юридическая разнородность предписаний. Они потому и связаны в единый комплекс, что обеспечивают разностороннее воздействие на данный участок общественных отношений. Например, регулятивные институты во многих случаях объединяют обязывающие и управомочивающие нормы, включают запреты, общие предписания и др. (впрочем, ряд институтов, в том числе многие охранительные и общие, складывается из норм одной разновидности – таковы, в частности, институты Особенной части советского уголовного права); в) объединение всех норм устойчивыми закономерными связями, которые выражены в общих предписаниях, а главное – в юридической конструкции.

Последний из указанных признаков и является решающим. Структура правового института, как и всех других правовых общностей, характеризуется не только определенным строением, дифференцированностью нормативного материала, но и интегрированностью, своим законом связи элементов, пусть и не таким жестким, как в нормативном предписании, но все же выражающим системную целостность, стойкую композицию элементов» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 108]. Правовые институты «возглавляются» нормами-принципами, сформулированными в тексте нормативных актов. Правовые институты как главные структурные подразделения отрасли получают внешнее обособленное закрепление в системе законодательства: иногда – в отдельной статье, иногда – в отдельном нормативном правовом акте, а в основном – в главе или разделе кодифицированного нормативного правового акта. Однако полного тождества между правовым институтом и главой (разделом) последнего нет, так как в отличие от нормативного правового предписания, которое образует нераздельное единство с первичной единицей текста нормативного правового акта (статья, часть или абзац статьи, фраза текста), соответствие между правовым институтом и подразделением нормативного акта характеризуется возможностью расхождения между содержанием (правовой институт) и формой (подразделение нормативного правового акта). Но все

же, как полагает ученый, принципиальное соответствие между правовым институтом и укрупненными подразделениями кодифицированного нормативного акта является закономерностью: правовой институт нуждается в формальном обособлении, что предопределяет одно из требований юридической техники, которое заключается в том, чтобы каждое из укрупненных подразделений нормативного правового акта (глава, подглава) посвящалось одному правовому институту. Рассматриваются пути формирования правовых институтов и их разновидности. Последние представляют собой важный аспект структуры права. Как и нормативные предписания, правовые институты охвачены процессом специализации права. Выделяются регулятивные и правоохранительные, предметные и функциональные, общие – общезакрепительные и основные (в них закрепляются общие дефиниции, принципы отрасли, задачи законодательства), генеральные и др. правовые институты, а также их объединения – общие и предметные. Наиболее развитым объединением правовых институтов является *подотрасль права*. Основной общий институт в каждой отрасли является «носителем ее “души” – главного социально-политического и юридического содержания. Существенное правовое значение основного института связано также с тем, что он формируется в нераздельном единстве с общезакрепительными институтами данной отрасли, образуя с ними особое подразделение – Общую часть» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 127].

Специфическими, вторичными правовыми образованиями, выражающими известное удвоение нормативного материала, являются *комплексные правовые институты*, когда нормативные предписания *внешне объективируются одновременно в двух разноплоскостных юридических конструкциях*. Существуют также межотраслевые комплексные объединения норм, которые выступают в качестве подразделений общностей более высокого уровня – комплексных отраслей.

Главные структурные подразделения права – это отрасли права, которым посвящена следующая – пятая – глава работы. Если отдельное нормативное правовое предписание – первичная «живая» клеточка права, а правовые институты – «блоки», то отрасли права являются самостоятельными, относительно замкнутыми *механизмами* регулирования. Под отраслью права автор понимает «главные, относительно замкнутые структурные подразделения, состоящие из компактной системы распределенных по институтам нормативных предписаний, регулирующих специфический вид общественных отношений» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 141]. Для отрасли права характерен «такой полный “набор” взаимодействующих между собой общих, функциональных, предметных регулятивных и охранительных институтов и их объединений, который обеспечивает все стороны и элементы данного юридического режима» [Там же, с. 144]. Юридический режим – это целостный, многогранный юридический порядок, который предполагает и введение общих принципов регулирования, и регламентацию всех сторон данных отношений, и указание на содержание правосубъектности, и установление необходимых государственно-обеспечительных мер, и наличие предписаний, призванных определять действие норм во времени, решать коллизионные вопросы, и т. п. Отрасль должна содержать весь комплект «блоков» и «агрегатов», чтобы бесперебойно работало все отраслевое «хозяйство», функционировал весь отраслевой механизм регулирования. Таким образом, продолжает далее ученый, «в строении отрасли, в связях и соотношении образующих ее элементов заключен закон связи – устойчивый способ их соединения. Для подавляющего числа отраслей он является более или менее типичным (общие институты – предметные регулятивные – функциональные – предметные охранительные). Исключение, пожалуй, составляет уголовное право, которое подчинено в основном выполнению охранительных задач и структура которого не включает конкретно-регулятивных институтов» [Там же, с. 144–145].

Особое внимание ученый уделяет общим институтам, которые выступают в рамках отрасли в качестве активного центра. Главным системообразующим фактором, обуславливающим выделение отрасли в правовой системе, является *предмет правового*

регулируемого, в котором заложена объективная необходимость обособленной нормативно-правовой регламентации данных отношений. Входящие в него общественные отношения объективно требуют юридически своеобразной регламентации при помощи особого режима регулирования. И, таким образом, критерием выделения самостоятельных отраслей права в их системе является предмет правового регулирования и юридический режим, главным и определяющим стержнем которого является метод правового регулирования, а его решающей чертой – *общее юридическое положение субъектов, их правовой статус*. Можно вспомнить высказанную в 1961 году позицию автора по поводу предмета и метода правового регулирования как критериев выделения самостоятельных отраслей права: «особый предмет, а потому и особый метод» [Алексеев 1961, с. 46]. Метод не зависит всецело от предмета правового регулирования, а зависит от него лишь в конечном счете, то есть по ряду своих существенных характеристик: мы не можем использовать методы уголовного или уголовно-процессуального права в ходе регулирования семейных или трудовых отношений, однако какие-то нюансы, вытекающие из тех или иных интересов, целей и задач законодателя, других факторов духовной жизни и исторической ситуации страны, могут, но в ограниченных масштабах, влиять на используемые законодателем юридические приемы и способы их сочетания. Вряд ли сможет опровергнуть данное положение пример с уголовным трудовым «правом», сложившимся в годы репрессивного режима в СССР, когда была установлена всеобщая трудовая повинность, создавались «трудовые армии», вводилась уголовная ответственность за уклонение от труда, опоздание или преждевременный уход с работы и даже за уклонение от направления на учебу и так далее [Гринберг 1993]. Эти меры являются классическими псевдоюридическими извращениями, то есть они не имеют никакого отношения к праву в позитивистском, гуманистическом смысле этого слова (понятно, что для позитивистского правопонимания это всё – полноценное право), но лишь внешне напоминают правовое регулирование, так как инструменты, которые использует репрессивный государственный аппарат, носят похожие на обычное правовое регулирование наименования – «закон», «право», «суд», «прокурор» и т. д. Уже в ранних своих работах ученый характеризовал метод как режим, о чем упоминалось выше: «Когда мы говорим о методе правового регулирования, то имеем в виду сложный по своей структуре *правовой режим... комплекс юридических особенностей (признаков), присущих данной группе юридических норм и правовых отношений*» [Алексеев 1961, с. 48–49]. Юридический режим выражается в особенностях способов и приемов правового регулирования, и когда они приобретают настолько значительный, качественно отличный от иных режимов характер, то воплощаются в особом, специфичном только для данной отрасли методе правового регулирования. Последний – наиболее яркий и надежный показатель юридического своеобразия отрасли, обеспечиваемого ею особого режима регулирования. К числу недостаточно выявленных наукой юридических особенностей режима автор относит своеобразный механизм регулирования – особое сцепление норм, правоотношений, индивидуальных актов, которое также выражает особый юридический режим, который хотя и проявляется в системе правоотношений, но потому и обозначается словом «режим», что характеризуется многими чертами, в том числе особыми отраслевыми принципами, едиными общими положениями, обособленным кодифицированным законодательством и др. Ученый считает плодотворным высказанную ранее С. И. Аскназиным и О. С. Иоффе мысль о том, что каждой отрасли присущ свой структурный тип правоотношения.

В данной главе весьма подробно анализируются также виды отраслей права – профилирующие (традиционные), процессуальные и специальные основные, а также комплексные (специализированные и интегрированные, которые могут быть названы также надотраслями или суперотраслями) – вторичные образования в правовой системе. Формирование последних полностью охватывается конструкцией производных структур, разработанных в философской литературе. Основные и комплексные отрасли права находятся в сложной взаимозависимости. Главные генетические и функциональные

связи, существующие между отраслями, проявляются в рамках всей правовой системы, а некоторые из этих взаимосвязей обнаруживаются и на уровне отдельных отраслей, что выражается в том, что группы отраслей образуют своего рода ассоциации, объединения, которые ученый называет *семьями*, или циклами, отраслей. Корнями отдельных правовых семей (циклов, профилей) являются профилирующие отрасли – конституционное (в советской юриспруденции было принято название «государственное»), административное, гражданское и уголовное право, вокруг которых группируются родственные им отрасли, образующие соответственно четыре семьи.

Своеобразной кульминацией является заключительная – шестая – глава работы «Система отраслей советского права», в которой обосновывается центральная идея исследования, состоящая в том, что именно структура права в конечном ее выражении образует систему права, то есть связанную прочным единством взаимодействующую систему отраслей – профилирующих, процессуальных, специальных, комплексных. Многочисленные структурные связи между различными компонентами системы формируют ее целостность, единство, новое качество. Система права, или система отраслей права, – это его *макроструктура*, то есть строение, закон связи между отраслями права. Функциями правовой системы отраслей права являются функции права в целом – экономические, воспитательные и другие, а с правовой стороны – регулятивные, охранительная. К *особым* функциям советского права как структуры высшего порядка – строения, закона связи между отраслями, его композиции и организации в виде целостной системы взаимосвязанных и взаимодействующих отраслей – ученый относит обеспечение выполнения *всех* стоящих перед обществом на каждом этапе его развития задач во всех областях социальной жизни, требующих правовой регламентации. Система советского права должна содержать весь комплекс правовых механизмов, юридических режимов, методов регулирования, которые были бы своего рода резервами системы, а также «воплотить в своем содержании, в строении, связях и соотношении между подразделениями системы социалистический демократизм глубоко нравственную, гуманистическую природу нашего общественного и политического строя; отсюда проистекает, в частности, ведущее положение в правовой системе советского государственного права, особое место процессуальных отраслей и др.

Иначе говоря, комплекс отраслей права, рассматриваемых в единстве, призван *обеспечить социальную ценность* советского права как существенного инструмента социального управления, эффективного и целесообразного регулятора социалистических общественных отношений, надежного средства осуществления задач социалистического государства, обеспечения и защиты прав и свобод советских граждан. Да и сама структура советского права на уровне системы отраслей представляет собой правовую ценность – юридическое богатство, демонстрирующее высокий уровень системного, технико-юридического развития советского права» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 181].

Система отраслей права – это структура права на таком уровне, на котором отчетливо проявляются социальные особенности права как элемента политической организации общества, то есть как элемента более крупной системы. Социальные закономерности и особенности данного общественного и государственного строя раскрываются в общественных явлениях в целом, в их организации и общей структуре. Таким образом, если на уровне макроструктуры проявляются глубинные особенности социальной системы, в которую вписано право как ее отдельный компонент, то на уровне микроструктуры – в отдельных нормативных предписаниях, их ассоциациях, в структуре институтов – на передний план в первую очередь выступают такие характеристики, которые выражают строение явлений, их специальные технико-конструктивные черты и связи, поэтому последние нуждаются прежде всего в освещении с точки зрения специальных конструктивных моментов, технико-юридических сторон, хотя в ряде случаев социальные особенности и закономерности права в целом проявляются на уровне его микроструктуры.

Как видно, ученый выделяет макро- и микроструктуру права, то есть закон связи между различными компонентами системы права на различных ее уровнях и в различных ее подсистемах, что исключает отождествление системы и структуры права, о чем уже говорилось ранее в связи с другими аспектами их соотношения. Если рассмотреть отдельные компоненты, подсистемы системы права на разных ее уровнях (система – ее компоненты, рассмотренные сами как система – их компоненты, рассмотренные как системы и т. д.), то можно заметить необходимую последовательность анализа соотношения системы и структуры права, состоящую в том, что если описание элементов, которые составляют систему, тем или иным образом расположены внутри нее и тем или иным образом связаны друг с другом – это одновременно описание и системы, и структуры права, то в дальнейшем нам предстоит анализ именно структуры права, которая весьма отчетливо отличается от анализа ее системы. И главная «задача», «миссия» структуры заключается в том, чтобы правовая система, сколько бы ни дробились ее элементы, неизменно сохраняла качество цельного правового образования. Все элементы последнего жестко сцеплены правовой структурой (понимаемой как закон связи элементов содержания), которая посредством различных связей, своего рода типовых схем, моделей, «объединяет правовой материал как бы изнутри» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 31]. Так, первичная «живая» клеточка права – нормативное правовое предписание – является исходным физически неделимым подразделением структуры права и элементом, из которого складываются правовые институты, объединенные в отрасли, образующие, в свою очередь, систему права. И все эти компоненты – нормы, институты и отрасли права – составляют, как отмечалось выше, главную структуру, главные, несущие конструкции, необходимые для характеристики строения права. Одновременно эта же триада представляет собой и элементы системы права – главные вехи правовой системы.

Следующий шаг в системно-структурном анализе права выводит на собственно структурные феномены: такое, например, образование, как логическая норма права, – это уже «чистая», идеальная структура, сформированная на первичном уровне правовой системы и, как важнейший закон связи элементов, объединяющая правовой материал как бы изнутри. Правовой институт – компонент и более крупной системы – отрасли права, и компонент его главной структуры. Однако юридическая конструкция, которая формируется в результате структурных связей правовых предписаний внутри правового института – это опять же «чистая», идеальная структура. Отрасль права как система складывается из совокупности компонентов – правовых институтов и формируется в самостоятельный, относительно замкнутый *механизм* регулирования посредством структурных связей между правовыми институтами – юридическими конструкциями, в него входящими. А в рамках системы отраслей формируются регулятивная и охранительная подсистемы, представляющие одновременно идеальную структуру права – закон связи компонентов правовой системы, который обеспечивает важнейшее системное качество права – регламентацию общественных отношений – их регулирование и охрану, обеспечение и защиту прав и свобод граждан. «При характеристике правовой системы, – подчеркивает С. С. Алексеев, – недостаточно ограничиться указанием на ее строение, на наличие ряда отраслей – основных и комплексных. Отрасли права образуют именно структуру, между ними существует свой *закон связи*».

Стойкая внутренняя организация присуща прежде всего ядру советского права – комплексу профилирующих отраслей» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 184]. Общую юридическую основу правовой системы образует конституционное (государственное) право, в котором закрепляются основные, ведущие принципы права и которое по этой причине представляет собой «общую часть всей правовой системы» [Там же]. Если на уровне правовых предписаний активным центром являются принципы права, на уровне правовых институтов – общие институты и их объединения, в которых закрепляются общие дефиниции, принципы отрасли, задачи законодательства, то на уровне всей правовой системы активным центром становится конституционное право,

поскольку в нем воплощаются ведущие принципы права в целом. За конституционным правом следуют две важнейшие, профилирующие отрасли, выполняющие непосредственно регулятивные функции, – административное и гражданское право, а также расположенная чуть особняком и нацеленная в основном на выполнение охранительных задач такая также профилирующая отрасль, как уголовное право. И далее автор подчеркивает, что «в комбинации этих трех отраслей в какой-то степени проступает идеальная структура права – две основные подсистемы: регулятивная, разветвляющаяся на две полярные ветви (административное и гражданское право), и охранительная.

Таким образом, в сжатом, концентрированном виде комплекс профилирующих отраслей содержит с юридической стороны исходные начала правовой системы в целом. Это же обстоятельство характеризует профилирующие отрасли как обязательную часть системы права» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 184].

Обязательными компонентами системы права являются также другие основные отрасли – процессуальные, являющиеся «продолжением» профилирующих отраслей в сфере правоохранительной деятельности государства, и специальные (трудовое, семейное, земельное и др.). Чем совершеннее правовая система, тем сложнее ее строение, многообразнее связи между ее подразделениями; уровень совершенства права выражается также в наличии ряда частично перекрещивающихся комплексных отраслей. И далее автор делает ремарку, которая сегодня, в век высокой законодательной инфляции, непомерного, неконтролируемого разрастания законодательства может показаться парадоксальной: о том, что «далеко не всякое увеличение количества нормативных актов ухудшает правовое регулирование» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 185]. Комплексные акты, отражающие реальные особенности регулируемых отношений и вследствие этого позволяющие внести в содержание правового регулирования новые позитивные моменты (например, путем нормативных обобщений), обогащают правовое регулирование, нередко подготавливают существенные преобразования в структуре права, повышают его эффективность. Издание сводных и систематизированных актов, дающих возможность обеспечить единое комплексное регулирование, выработать новые нормативные обобщения, ввести специфические принципы регулирования было бы вполне целесообразным. Однако термин «кодекс» необходимо использовать крайне бережно – прежде всего для кодифицированных актов, выражающих существенные юридические особенности данной общности юридических норм (главным образом особенности основных отраслей права).

Сложное строение системы права и многообразие связей между его подразделениями подчинены определенному *закону*, который выражает структуру права: «Такая устойчивая связь между отраслями, при которой ядро правовой системы образуют профилирующие отрасли во главе с государственным правом, в непосредственном единстве с ними функционируют процессуальные и специальные основные, а на их основе комплексные отрасли, – такая связь характеризует существование права как единого, целостного организма, обеспечивающего слаженное, всестороннее, юридически согласованное воздействие на общественные отношения в соответствии с назревшими потребностями развития социалистического общества» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 186]. Таким образом, если мы говорим без какой-либо дополнительной конкретизации об отраслях права – конституционном (государственном), административном, гражданском, уголовном, трудовом, семейном и т. д., – то мы говорим прежде всего о системе права и составляющих ее компонентах. Однако когда мы говорим о профилирующих отраслях во главе с конституционным правом, о процессуальных и специальных основных, а также о комплексных отраслях, то мы говорим, в первую очередь, о структуре права. Общей и главной группировкой отраслей права является их классификация на профилирующие, основные (процессуальные, специальные) и комплексные, поскольку она отражает реальные и ключевые по своему значению связи, существующие в структуре права. На этом основании можно еще раз сделать вывод о том, что

разграничение системы и структуры права в концепции С. С. Алексеева – достаточно строгое и последовательное.

Помимо общей и главной группировки отраслей права ученый обращает внимание еще на одно важное их подразделение на три важных звена: основополагающее звено – государственное (конституционное) право; материальные отрасли – профилирующие (гражданское, административное, уголовное право) и специальные (трудовое, семейное, земельное право и др.); процессуальные отрасли. Такое трехзвенное деление весьма важно для понимания генетических и функциональных связей в системе права, тщательному анализу которых ученый посвящает соответственно последние два параграфа последней главы своей книги.

В дополнение к рассмотренным проблемам работы отметим один момент, в котором хорошо видно, как официальные идеологические установки ограничивали развитие советской юридической науки по ряду существенных направлений. В рамках второго этапа творческого пути и открывшихся возможностей реформаторской деятельности в России в конце прошлого и начале нынешнего века ученый уделял серьезное внимание частному праву – необходимости изучения его в теории и возрождению на практике. Деление права на частное и публичное – ведущее, ключевое, основное в континентальной семье правовых систем квалифицировалось ученым в работах позднего периода как имеющее не столько классификационный, сколько концептуальный, сущностный, а с учетом рассмотрения в данном фрагменте вопросов структуры права можно добавить – структурный характер, в котором (и в частном праве прежде всего) можно увидеть квинтэссенцию права в целом, его дух, глубинное основание, исходные правовые начала [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 186] (см. также: [Семитко 2021]). Однако советская идеология в ее крайней – ленинско-сталинской – интерпретации исходила из того, что в сфере огосударственного народного хозяйства ничего частного не признается, а потому деление права на публичное и частное в советской юриспруденции отвергалось. В работе 1975 г. ученый вынужден был в основном тексте воспроизвести известную идеологему того периода, состоящую в том, что социалистические общественные отношения отличаются гармоническим единством общественных и непосредственно личных интересов, а потому если связывать группы отраслей с тем, какие – общие или частные – интересы выражают данные нормы, то такой подход, вполне объяснимый в отношении правовых систем буржуазного (и добуржуазного) общества, не согласуется с установившимися при социализме реалиями. В то же время в подстрочнике, мелким, как говорится, шрифтом, автор, ссылаясь на работу своего учителя Б. Б. Черепяхина «К вопросу о частном и публичном праве» (Иркутск, 1926) [Черепяхин 1994], в которой тот помимо характера интереса анализировал юридические признаки разграничения права, в частности такие черты метода регулирования, как наличие или отсутствие «автономии», «координация или субординация воли» и т. д., подчеркнул, что «теоретические положения, выработанные в науке *при такой трактовке проблемы* публичного и частного права, в ряде случаев имеют существенное значение при освещении юридических особенностей отраслей права. Надо полагать, к этому и склоняются рассуждения отдельных польских юристов, признающих конструктивное значение упомянутого глобального деления» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 187–188]. Если исключить политико-идеологические установки и соответствующие характеристики права, то деление его на публичное и частное позволит, по мнению ученого, выявить важные особенности отраслей права в ходе их собственно юридического научного анализа, и, таким образом, можно констатировать, что, вопреки навязанно общепринятому политико-идеологическому отрицанию указанного глобального деления права, уже в советский период творчества оно оценивалось мыслителем как существенное.

В заключение работы ученый отметил, что в ходе первой (1938–1940 гг.) и второй (1956–1959 гг.) дискуссий о системе права стали вырисовываться, помимо прочего, и глубинные, в том числе структурные, связи в правовой системе, те специфические закономерности, которые свойственны этой качественно своеобразной части надстройки

над экономическим базисом. Продолжающееся изучение системы права необходимо для дальнейшего проникновения в тонкости механизма правового регулирования, познания многообразных закономерных связей, образующих структуру права. Для решения новых научных задач в философии и социологии 60–70-х гг. появился и новый научный инструмент – теория систем, использованная ученым в качестве основного методологического ориентира исследования.

Изучение права на уровне «системно-структурных характеристик не только раскрывает “теоретические глубины” механизма правового регулирования, функций, свойств и закономерностей права как внутренне согласованной правовой системы. Существенно важно и то, что такой подход смыкается с аксиологическим, способствует углублению представлений о социальной ценности правового регулирования.

Присущая советскому праву системность, как и иные правовые свойства, *характеризует его как ценность в обществе*. Благодаря своей многоуровневой, разноплоскостной, иерархичной структуре советское право способно оказывать многостороннее системное воздействие на общественные отношения, оперативно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни, эффективно, в комплексе решать задачи, выдвигаемые практикой коммунистического строительства. Правовой материал, следовательно, подтвердил высказанную в философской литературе мысль об органической связи социальной системы и ценностных регуляторов» [Алексеев. Структура ... 2010, т. 2, с. 223]. Системно-структурный подход смыкается с аксиологическим потому, что само строение права, закон связи элементов содержания логично приводят к утверждению ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества, то есть всего того, что составляет ценность права и о чем ученый писал в работе 1971 г. «Социальная ценность права в советском обществе» [Семятко. С. С. Алексеев: ценность права ... 2019], в которой были представлены детальная проработка и обоснование этой идеи. В книге «Структура советского права» было показано, каким образом строение права, закон связи элементов содержания прокладывают путь к утверждению ценности права: благодаря своей многоуровневой, разноплоскостной, иерархичной структуре развитое право способно оказывать многостороннее системное воздействие на общественные отношения, оперативно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни, эффективно и комплексно решать задачи, выдвигаемые насущными требованиями жизни общества. Ценность права формируется исходя из его существенных свойств и признаков, среди которых важнейшее место принадлежит системности и структурности права. Значение данной работы выходит далеко за рамки советской юриспруденции: ее общетеоретический, общеправовой (то есть имеющий значение для любых развитых правовых порядков) характер заключается в том, что автор исследовал структурные связи системы права и связал внутреннее строение права с его высшей миссией в обществе, выражающейся в его жизненной необходимости, ценности для социума и для отдельного индивида, состоящей в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества. Каким образом системно-структурный анализ права сопрягается с аксиологическим подходом, а в структуре права заложена его ценность, автор развивает в дальнейшем и в рамках второго этапа своего творчества.

Список источников

- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2002 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6 : Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. С. 7–557.
- Алексеев С. С. Круг замкнулся. Повесть о праве. 2006 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 : Линия права. Концепция. Сочинения 1990-х – 2009 годов. М. : Статут, 2010. С. 147–188.
- Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 360 с.
- Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. 1989 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. М. : Статут, 2010. С. 225–467.

- Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М. : Госюриздат, 1961. 188 с.
- Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
- Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
- Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. С. 7–780.
- Алексеев С. С. Структура общей теории государства и права // Актуальные проблемы теории государства и права. М. : АН СССР. Ин-т государства и права, 1974. С. 24–30.
- Алексеев С. С. Структура советского права. 1975 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. М. : Статут, 2010. С. 7–224.
- Алексеев С. С. Теория права. Изд. 2-е. М. : БЕК, 1995. 320 с.
- Алексеев С. С. Частное право : научно-публицистический очерк // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 : Философия права и теория права. М. : Статут, 2010. С. 322–444.
- Антонов М. В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Правоведение. 2014. № 1 (312). С. 24–42.
- Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1994. 592 с.
- Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования / редкол. : И. В. Блауберг [и др.]. М. : Мысль, 1970. С. 7–48.
- Горшенев В. М., Поленина С. В., Пиголкин А. С., Сырых В. М. Рецензия на: Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 261 с. // Советское государство и право. 1976. № 2. С. 143–145.
- Гринберг М. С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. 1993. № 1. С. 63–73.
- Кашанина Т. В. Структура права. М. : Проспект, 2012. 584 с.
- Кененов А. А., Кудрявцев Ю. В. Рецензия на: Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с. // Вестник Московского университета. Серия 12 : Право. 1976. С. 91–92.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Изд. 2-е. Т. 37. М. : Изд-во политической литературы, 1965. 630 с.
- Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2023. 712 с.
- Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4 (27). С. 114–126.
- Семитко А. П. С. С. Алексеев – мыслитель-правовед: этапы жизненного и творческого пути // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 72–81.
- Семитко А. П. С. С. Алексеев об общих теоретических проблемах системы советского права // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 83–103.
- Семитко А. П. С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе») // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3 (26). С. 14–55.
- Семитко А. П. Частное и публичное право как исходные правовые начала в трудах Сергея Сергеевича Алексеева // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 155–171.
- Систематизация хозяйственного законодательства / отв. ред. С. Н. Братусь. М. : Юрид. литература, 1971. 264 с.
- Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. М. : Де-юре, 1994. 35 с.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия), лауреат Всероссийской премии имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции». SPINкод автора: 5866-9944.

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of Law Faculty, Head of Public Law Department, Professor of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”.

Статья поступила в редакцию | Submitted 15.01.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 14.02.2024.

Принята к публикации | Accepted 15.04.2024.